В. Н. МОЧУЛЬСКІЙ.

Ординарный профессоръ ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго университета.

КОМИЧЕСКІЯ ОПЕРЕТЫ

XVIII в.

ОДЕССА.
Типографія „Техникъ“, Успенская, 56.
1911.

Комическія опереты XVIII в.

Проф. В. Мочульскій.

Комическія опереты представляются характернымъ явленіемъ въ XVIII в. не только у насъ, но и на Западѣ. Въ вопросѣ о происхожденіи этого рода произведеній принято начинать съ Франціи. Между тѣмъ есть основанія думать, что происхожденіе ихъ, если не всецѣло обязано Италіи, то во всякомъ случаѣ Италія и итальянскіе акторы во многомъ способствовали окончательной обработкѣ этого легкаго жанра театральныхъ пьесъ. Проф. Б. В. Варнеке въ своей интересной статьѣ, озаглавленной: „Дѣтство оперетки", [1]) разсказываетъ о происхожденіи оперетки, и ведетъ ея начало изъ Италіи. Въ концѣ XVI в. французскій дворъ породнился съ итальянскимъ и съ этого времени итальянскіе актеры становятся желанными гостями во Франціи. Итальянцы привезли сюда ярмарочный театръ, такъ называемый театръ Маріонетокъ, который, въ широкой степени пользуясь всякимъ подходящимъ матеріаломъ, а въ томъ числѣ и французскимъ, положилъ начало всякого рода веселымъ пьесамъ, пародіямъ, передѣлкамъ, а съ внесеніемъ музыкальныхъ куплетовъ далъ начало опереткамъ. Трудно, конечно, утверждать, что итальянскія оперетки дали начало комическимъ оперетамъ, такъ какъ въ ихъ организмѣ и сущности большая разница. Комическія опереты сложнѣе и ближе по своей структурѣ стоятъ къ комедіямъ. Тѣмъ не менѣе возможна и та мысль, что комическая оперета явилась, какъ результатъ компромисса между французскими комедіями и италь-

---

[1]) Б. В. Варнеке. Библіотека Театра и Искусства, 1904 г. кн. 9. Май.

янскими оперетками и что, по крайней мѣрѣ, въ музыкальной обработкѣ комическихъ оперетъ принимали несомнѣнное участіе итальянцы. [1]) Перейдемъ къ Франціи.

Во Франціи въ XVIII ст. философскія произведенія передѣлывались нерѣдко въ драматическія пьесы и даже въ комическія опереты съ цѣлью пропаганды идей. Такъ, романы Вольтера являлись въ формѣ комической оперы. Это считалось надежнѣйшимъ средствомъ сообщить неотразимый интересъ легкомысленному жанру. Впрочемъ на самомъ дѣлѣ—комическая опера XVIII в. отнюдь не легкомысленнѣе большинства легкихъ произведеній философскаго направленія. Она являлась только популярнѣйшимъ, доступнѣйшимъ путемъ распространенія новыхъ идей, и, можетъ быть, ничто до такой степени не характеризуетъ неограниченнаго господства философскаго духа, какъ именно—превращеніе комической оперы въ своеобразную проповѣдь философіи. [2]) Вольтеръ питалъ отеческую нѣжность къ комической оперетѣ, а представители стараго порядка выставляли на видъ опасный характеръ комической оперы. Изъ романовъ Вольтера *„L'Jngénue“*—передѣланъ въ „Huron“ и шелъ на итальянской сценѣ 20 августа 1768 г., а *„Candide marié“* игранъ на той-же сценѣ 20 января 1788 г. Въ 1769 г. на сценѣ появилась его-же комическая опера *„Lucile“*, ратовавшая за брачные союзы между лицами различнаго общественнаго положенія. Годъ спустя (1770 г.) послѣ „Lucile“ появилась одноактная комическая опера *„Silvain“*—на ту-же тему, съ одной только разницей: похвалы простымъ людямъ здѣсь еще энергичнѣе и кромѣ того—здѣсь затрагиваются феодальныя права, напр. право охоты, упоминается droit de la nature. Все это страшно возмутило дворъ и свѣтъ. [3]) Нѣкоторыя комедіи Вольтера очень близки по своему содержанію и характеру къ комическимъ операмъ. Такова комедія *„Le droit du Seigneur“*, отданная на сцену въ 1779 г. Эта комедія направлена была противъ феодальныхъ правъ, и вызвала

[1]) Впрочемъ вопросъ о вліяніи итальянскаго театра на французскій довольно сложный и требуетъ спеціальнаго изслѣдованія.

[2]) И. Ивановъ. Политическая роль Французскаго театра. Москва, 1895 г. стр. 221—222.

[3]) Ивановъ, l. c. стр. 223.

много подражаній; въ уста дѣйствующихъ лицъ вложены „ядовитыя замѣчанія по адресу знати". Mathurin — одинъ изъ героевъ пьесы, зажиточный крестьянинъ, возмущается неравенствомъ правъ, господствующихъ среди людей, и не находитъ для него основаній. Другой герой пьесы,—аристократъ-маркизъ, является безкорыстнымъ защитникомъ гуманности и равенства; онъ пріѣзжаетъ въ деревню, недовольный жизнью въ свѣтѣ, который порабощаетъ личность; маркизъ защищаетъ философію, стремится къ добродѣтели, намѣренъ жениться на небогатой невѣстѣ и стать сельскимъ хозяиномъ. [1]) По замѣчанію Проф. Каддубовскаго—настоящая комедія приближается къ типу комическихъ оперъ. Въ ней Вольтеръ имѣлъ въ виду противопоставить пустотѣ свѣтской жизни—здоровье и простоту жизни сельской. [2]) Итакъ комическая опера въ XVIII в. получила важное значеніе въ глазахъ лицъ, заинтересованныхъ устойчивостью стараго порядка. Это значеніе главнымъ образомъ опредѣлялось общедоступностью и демократичностью формы, каковая форма почиталась энциклопедистами самою удобною для распространенія господствовавшихъ въ XVIII в. идей.

У насъ представителемъ и сочинителемъ комедій и трагедій во 2-ю четверть XVIII в. былъ Сумароковъ. Онъ завѣдывалъ русскимъ Парнассомъ. А такъ какъ въ то время господствовалъ на Руси французскій псевдо—классицизмъ, то и писались по французской мѣркѣ комедіи, трагедіи и прочія театральныя пьесы. Подражательность переходила всякія границы. Впервые у насъ Лукинъ пришелъ къ мысли о національной русской комедіи. Сознавая однакожъ недостатокъ таланта, онъ занялся почти исключительно передѣлками и подражаніями. Передѣлку и подражаніе Лукинъ различаетъ так. образомъ: „Подражать и передѣлывать—великая разница. Подражать—значитъ брать или характеръ, или нѣкоторую часть содержанія, или нѣчто весьма малое и отдѣленное и такъ нѣсколько заимствовать; а передѣлывать—значитъ нѣчто включить или исключить, а прочее,

---

[1]) Ивановъ, l. c. стр. 184, 514, 537. См. также: Пушкинъ и его современники, В. V, стр. 3.

[2]) Пушкинъ и его современники, l. c. стр. 9-10.

т. е. главное оставить и склонять на наши нравы". [1]) Лукинъ твердо стоялъ за передѣлываніе комедій, предназначаемыхъ для русской сцены, такъ какъ не скоро ожидалъ появленія самостоятельной русской комедіи. Комедія наша въ то время состояла или изъ чистыхъ переводовъ, или изъ своихъ русскихъ пьесъ, рабски и уродливо копировавшихъ французскія комедіи. Лукинъ, нападая на русскія комедіи, мѣтилъ главнымъ образомъ на Сумарокова, который рабски слѣдовалъ французскимъ образцамъ. Планъ комедіи обыкновенно представлялъ сколокъ съ французскаго. Это вѣнчая любовная интрига: вездѣ дѣло устраиваютъ слуги и служанки, страшные пройдохи, умѣющіе проводить жестокихъ опекуновъ или родителей и сблизить молодого человѣка съ его возлюбленной; они управляютъ интригой, обходятся за панибрата со своими господами, даже подсмѣиваются надъ ними, словомъ—скопированы съ такихъ же лицъ французской комедіи, которыя, по словамъ Лукина, будутъ нашими петиметрами и кокетками. Дѣйствіе идетъ также очень странно: множество отступленій, неидущихъ къ дѣлу, закрываетъ самый ходъ комедіи иногда до того, что только незначительная часть пьесы принадлежитъ дѣйствію, а все прочее является въ ней чисто случайно. Характеры не существуютъ, они измѣняются какъ только заблагоразсудится автору: ужасные злодѣи дѣлаются простодушными добряками; хитрецы позволяютъ обманывать себя самымъ простымъ образомъ, когда это понадобится по ходу комедіи. При передѣлкѣ пьесъ Лукинъ жаловался на то, что во всѣхъ переведенныхъ комедіяхъ *слуги превеликіе бездѣльники* и что они при развязкѣ почти всѣ за плутни безъ наказанія остаются, а иные еще и награжденіе получаютъ. Желая приспособить французскія пьесы къ русской сценѣ, Лукинъ придавалъ особенное значеніе *народности*, что связывалось у него съ понятіемъ простонародности. Требуя отъ комедіи русскаго содержанія, онъ требовалъ вмѣстѣ и народнаго языка, и замѣчательно, что онъ не считалъ этого народнаго языка подлымъ и грубымъ, какъ тогда считали всѣ. Дальнѣйшее развитіе взглядовъ Лукина принадлежитъ П. А. Плавильщикову, который націонализацію русской сцены по-

[1]) Сочиненія и переводы Влад. Игнатьевича Лукина. Спб. 1868, стр. 7, 114 и 115.

велъ дальше, и возставалъ уже противъ переводовъ и передѣлокъ иностранныхъ пьесъ и главнымъ обр. французскихъ—на русскіе нравы. (См. Исторію русскаго театра Б. В. Варнеке, К. 1908, ч. I, стр. 217-219). То, что сказано здѣсь о комедіяхъ, въ значительной степени относится и къ комическимъ оперетамъ XVIII в., которыя по большей части, передѣлывались изъ комедій. Здѣсь—такъ-же, какъ и въ комедіяхъ, въ основѣ лежала любовная интрига. Лица дѣлились также на добродѣтельныхъ и злыхъ. Слуги и служанки играютъ ту-же роль посредниковъ и были главной пружиной дѣйствія. Самого дѣйствія, впрочемъ, не существуетъ, а есть внѣшнее сцѣпленіе событій, при чемъ ходомъ интриги завѣдуютъ слуги. Характеровъ нѣтъ, а также не наблюдается оригинальныхъ коллизій событій и дѣйствующихъ лицъ. Добро и зло также перемѣшано, какъ и въ комедіяхъ, и мораль нерѣдко терпитъ фіаско. Итакъ общій планъ и программа оперетъ XVIII в. была чуждая, построенная по чужимъ образцамъ, и единственно въ чемъ проявлялась иногда оригинальность—это въ пѣсняхъ и обрядахъ, если не всегда народныхъ, то созданныхъ въ подражаніе народнымъ образцамъ. При такомъ положеніи дѣла, когда въ комическихъ оперетахъ оказывается заимствованнымъ и скелетъ и отчасти самая сущность, при изслѣдованіи и изученіи ихъ надо быть очень осторожнымъ, чтобы, характеризуя опереты XVIII в., не приписать русской жизни того, что ей не принадлежитъ, а также не отнести къ французскому вліянію того, что и безъ этого вліянія могло проявиться въ русской жизни. Сочинителями у насъ комическихъ оперетъ были слѣдующія лица: Аблесимовъ, Богдановичъ, Графъ Вязмитиновъ, князь Горчаковъ, Императрица Екатерина II, Княжнинъ, Крыловъ, Левшинъ, Матинскій, Майковъ, В. И. Николевъ, Поповъ Мих. В. Херасковъ и Юдинъ.

Начнемъ анализъ пьесъ по писателямъ въ алфавитномъ порядкѣ [1]). Аблесимову принадлежитъ „Мельникъ

[1]) Хотя въ литературѣ по данному вопросу существуютъ хорошія работы, какъ напр. Свѣтлова и Лободы, тѣмъ не менѣе замѣчаемое разнорѣчіе въ выводахъ побуждаетъ автора вновь пересмотрѣть матеріалъ, при чемъ особенное вниманіе будетъ обращено на общественный и бытовой элементы.

Литература: 1) А. М, *Лобода.* Народность въ русской музы-

колдунъ, обманщикъ и сватъ". Комическая опера въ 3 д. [1]) Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, гдѣ мельники слывутъ обыкновенно за колдуновъ. И дѣйствительно къ мельнику Ѳаддею обращается за помощью крестьянинъ Филимонъ, съ одной стороны, погадать о пропавшей лошади, а съ другой —устроить его сватовство за Анюту, въ которую онъ влюбленъ и которую отецъ ея Акундинъ желаетъ выдать за хлѣбопашца, а мать Ѳетинья—за дворянина. Ѳаддей, условившись въ платѣ, разными плутнями и обманомъ устраиваетъ свадьбу Филимона, выдавая его въ одно и то-же время и за хлѣбопашца и за дворянина, такъ какъ онъ однодворецъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Мельникъ, а главной пружиной хода пьесы—плутни мельника. Никакого дѣйствія въ пьесѣ нѣтъ. Комизмъ пьесы заключается въ спорѣ супруговъ о томъ, каковъ долженъ быть женихъ. Языкъ пьесы народенъ, но больше народнаго въ пьесѣ не вижу ничего—кромѣ обычнаго народнаго суевѣрія, которое впрочемъ не только въ XVIII в., а и теперь раздѣляется и другими сословіями. Но въ пьесѣ есть тенденція объ уравненіи сословій, которая выражается здѣсь въ томъ, что крестьянинъ Акундинъ женатъ на Ѳетиньѣ, которой „какъ-то изстари случилось быть дворянскаго отродья". Эта тенденція для нашего быта XVIII в. слишкомъ преждевременна и заимствована несомнѣнно изъ французскихъ комедій XVIII в. Несвоевременность ея чувствовалась и автором, что видно отчасти изъ слѣдующаго діалога: Акундинъ: Што барямъ-та рай жить, хоть разъ-бы пожилъ такъ, какъ они; да полно што некошная живетъ и ихъ доля бы-

кальной драмѣ сто лѣтъ назадъ Чт. въ Обществѣ Нестора Лѣтописца, XIII, 1899, стр. 191—221.

2) *Н. М. Туниковъ*. Сатира на Аблесимова. Ежегодн. Импер. театровъ 1894 г. Прил. 2., стр. 141—146.

3) С. Ѳ. Свѣтловъ. Русская опера въ XVIII в. Ежегодн. Импер. театровъ 1897—1898 г. кн. 2, стр. 72—123, кн. 3, стр. 11—55.

4) Н. А. Селивановъ. Театръ въ царствованіе Импер. Екатерины II. Ежегодн. Импер. театровъ 1895—1896. Пр. Кн. 2. СПб. 1896, стр. 15.

5) А. Невеленовъ. Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. СПб. 1889, гл. IV.

6) Б. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Ч. I: XVII и XVIII в. Казань 1908 г. стр. 231.

[1]) Россійскій Ѳеатръ, т. XXX.

ваетъ и имъ хлопотъ полонъ ротъ, а нашему брату, чего не видя, заботы меньше: пропадай оно, не хочу быть въ бaряхъ. Өетинья: Опомнись, старый песъ! вить ты знаешь, што я рождена отъ благородной крови. Акундинъ: Вспомни-ка старая негодяйка и то, што уже двадцать лѣтъ, какъ ты жена моя.

Вторая комическая опера того-же Аблесимова—„Счастье по жребію“ въ одномъ дѣйствіи. Дѣйствіе происходитъ тоже въ деревнѣ. Содержаніе пьесы заключается въ томъ, что хозяйка, крестьянская вдова, влюблена въ постояльца—служиваго Окутьева, работникъ ея Филатъ—въ хозяйку, а пасынокъ Фалалей и племянникъ ея Миронъ—въ жилицу-солдатку, жену Окутьева, котораго она не видала со дня его поступленія на военную службу. Такимъ образомъ каждый изъ нихъ влюбленъ въ ту, которая не раздѣляетъ этой любви. Отсюда цѣлый рядъ недоразумѣній и qui pro quo, которыя устраняются служивымъ Окутьевымъ. Посредствомъ обмана и подтасовки онъ устраиваетъ „счастье по жребію“ такимъ образомъ, что солдатка достается ему самому, хозяйка—Филату, а Миронъ съ Фалалеемъ остаются ни съ чѣмъ. При этомъ служивый не упускаетъ случая поживиться деньгами отъ хозяйки, Мирона и Фалалея. Какъ видно изъ содержанія—пьеса и по замыслу и по конструкціи очень не хитра. При этомъ допущена одна несообразность, что жена не узнаетъ своего мужа, въ то время, какъ онъ ее узнаетъ и хитростью и обманомъ беретъ снова ее себѣ. Очевидно эта хитрость входила въ планъ пьесы, какъ основа интриги, а это свойство опять тѣхъ-же французскихъ комедій, гдѣ слуги хитростью устраиваютъ дѣло своихъ господъ. Нельзя, впрочемъ, отказать пьесѣ въ нѣкоторомъ значеніи и интересѣ. Интересъ этотъ состоитъ въ обрисовкѣ солдатскаго быта. Изъ словъ солдатки мы узнаемъ, что по уходѣ мужа на службу она натерпѣлась много горя и нужды; вынуждена была продать избенку и покинуть родное село, такъ какъ тамъ ее сильно стѣсняли, а въ концѣ—выжили ее изъ села: „ты дескать теперь солдатка, такъ тебѣ здѣсь нѣтъ мѣста“. Солдатъ—Окутьевъ выставленъ порядочнымъ плутомъ. Онъ обманываетъ хозяйку, Фалалея и Мирона, подтасовывая жребій, и кромѣ того выманиваетъ у нихъ деньги. На замѣчаніе солдатки—„не обидно-ли это

имъ будетъ?", отвѣчаетъ: „А какая нужда? горя нѣтъ; наше дѣло служивое, гдѣ чѣмъ ни поживился, то и наше". Это—черты дѣйствительно бытовыя, но только нельзя ихъ ограничивать временемъ XVIII в., какъ это дѣлаетъ Г. Свѣтловъ, а они пригодны для XIX в.

Богдановичъ написалъ „Радость Душеньки", лирическую комедію въ 1 д. [1]) Насколько сложна его поэма „Душенька", настолько проста по своей конструкціи его „Радость Душеньки". Душенька, живя въ чертогахъ Амура, вдругъ загрустила; ничто ее не веселитъ: ни модные наряды, ни кареты, ни роскошныя кушанья, ни драгоцѣнные подарки Амура. Всѣ боги стараются веселить ее: Марсъ скачетъ сорокой, Нептунъ ѣздитъ верхомъ на трезубцѣ, Меркурій толчетъ макъ „шемелой", другіе боги черезъ голову кувыркаются, но все напрасно. Наконецъ разъясняется причина грусти Душеньки: ей надоѣли пышность и роскошь, и она желаетъ освободиться „отъ всего блестящаго". Амуръ посылаетъ Душенькѣ простую розу, и этотъ подарокъ, эта роза, „которую любовь даетъ", заставляетъ Душеньку снова развеселиться. Пьеса эта—слабое произведеніе. Здѣсь все сосредоточено на пьянствѣ и скоморошествѣ боговъ.—Силена, Мома и Бахуса. Дѣйствія никакого нѣтъ. Остановимся на нѣкоторыхъ деталяхъ: *Момъ:* Нынѣ боги и смертные всѣ такъ свободны и откровенны, что никому ничего доносить не остается. *Амуръ*: Они (боги) пожаловали ко мнѣ только попить да пошумѣть... Правда—„что отъ боговъ многова требовать былобы не справедливо". Въ другомъ мѣстѣ: *Амуръ*: Думаю, что побывъ съ ними (богами) долго, я бы и самъ заразился страстью слабоязычія.... Далѣе—касаясь Душеньки, Амуръ говоритъ: Блескъ и шумъ великолѣпія всегда соединены съ безпокойствомъ другихъ и съ безпокойствомъ собственнымъ. „Она (Душенька) часто говорила, что хочетъ быть счастлива безъ пышности... часто просила освободить ее отъ всего блистающаго". Пьеса эта обработана Богдановичемъ по образцу французскихъ пьесъ, вродѣ Вольтеровской поэмы „Наина", и никакого отношенія къ русской жизни не имѣетъ. Насмѣшка надъ богами на русской почвѣ не имѣетъ никакого смысла;

---

[1]) Россійскій Өеатръ, т. XXIV.

тогда какъ на французской почвѣ она соединена была въ XVIII в. со скептическимъ отношеніемъ къ религіи. Что касается опрощенія Душеньки и убѣганія отъ роскоши и блеска, то это также не имѣетъ никакого отношенія къ русской жизни, но за то имѣетъ отношеніе къ идеямъ Руссо.

Графъ Вязьмитиновъ написалъ комическую оперу въ 1 д.: „Новое семейство"—тоже изъ крестьянской жизни. Крестьянка—Невзора хочетъ выдать свою племянницу—Степаниду замужъ за кузнеца Ѳому въ то время, какъ она влюблена въ молодого парня—Алексѣя. Ѳома, пользуясь тѣмъ, что Алексѣй идетъ въ рекруты, торопитъ съ свадьбой. Между тѣмъ является неожиданно братъ Алексѣя—Николай, который изъявляетъ желаніе идти въ солдаты вмѣсто брата. Господа обоихъ братьевъ, пораженные великодушіемъ Николая, освобождаютъ отъ рекрутчины обоихъ, а Невзору заставляютъ выдать Степаниду замужъ за Алексѣя. Хотя пьеса взята изъ деревенской жизни, но народнаго въ ней нѣтъ ничего. Нѣтъ въ ней ни характеровъ, ни дѣйствія. Пьеса написана сухимъ книжнымъ языкомъ, а выведенные въ ней крестьяне не русскіе мужики, а слишкомъ облагороженные и сантиментальные пейзане. Говорятъ они вотъ какимъ языкомъ: *Алексѣй*. Ахъ! прекрасная Степанида! я внѣ себя отъ горести. Я нашелъ здѣсь сумасброда Ѳому, а послѣ пришла сюда тетка твоя, и оба сказали мнѣ, што ты за нево выдана будешь.

Степанида: Ты умножаешь нещастье мое, есть-ли хотя мало увѣряешься на слова ихъ, и есть-ли ты думаешь, што это когда нибудь исполниться можетъ. Я лучше умру, нежели соглашусь на такое принужденіе. Ты одинъ вѣчно въ душѣ моей жить будешь. *Алексѣй*: Ты возвращаешь мнѣ жизнь; (въ сторону) но можетъ быть въ послѣдніе цѣлую я эту прекрасную руку.

А вотъ арія, которую поетъ Алексѣй:

Рази рокъ ожесточенной
Лютости своей предметъ,
Коль душѣ страстно спаленной
Ужъ отрады больше нѣтъ.
Жизнь отъемли, коль лишаешь
Ты на вѣкъ меня драгой,

И коль такъ опредѣляешь,
Чтобъ владѣлъ ею другой...

Князь Горчаковъ Димитрій Петровичъ написалъ ком. оперу: *„Калифъ на часъ“*. [1]) Опера въ 4 д. Содержаніе пьесы заключается въ слѣдующемъ: Гарунъ-анъ-Рашидъ, обходя ночью городъ, подслушиваетъ, какъ пьяница—Чеботарь Абдалла бранитъ судью за то, что тотъ посадилъ его подъ арестъ за неисправное содержаніе мостовой передъ домомъ, а потомъ освободилъ его за взятку. По волѣ Гарунъ-анъ-Рашида Абдалла въ пьяномъ видѣ и усыпленный переносится во дворецъ и дѣлается Калифомъ на часъ при настойчивомъ увѣреніи всѣхъ окружающихъ, что онъ Калифъ. Увѣрившись въ своемъ превращеніи, Абдалла прежде всего велитъ наказать судью—взяточника 500 палками, а затѣмъ требуетъ къ себѣ калифовыхъ женъ. Султанша Зобѣида такъ ему понравилась, что онъ готовъ уже воспользоваться правами Калифа, но въ это время его снова усыпляютъ и переносятъ домой. Проснувшись въ своей убогой хижинѣ, Абдалла буянитъ и говоритъ, что онъ Калифъ. Приходитъ начальникъ евнуховъ и уводитъ Абдаллу со всей семьей къ Калифу, который разъясняетъ Абдаллѣ всю шутку, и награждаетъ его пятью тысячами цехиновъ, приказавъ выдать дочь Роксану замужъ за Гассана, которымъ даетъ въ приданое также пять тысячъ цехиновъ. Въ заключеніе Калифъ говоритъ: помните, что самыя забавы вашего государя полезны его подданнымъ, и всѣ прославляютъ его щедрость и мудрость. Опера при своемъ комическомъ элементѣ заключаетъ и сатирическій элементъ. Абдалла поетъ:

О судьи, судьи плутяги,
Раззоряете вы насъ,
Васъ просители бѣдняги
Тщетно молятъ всякій разъ.
Ваши души будто крюки,
Попадися къ вамъ лишь въ руки,
Рады кожу вы содрать.
Васъ не тронутъ тоже слезы,
И у васъ сердца желѣзны,
Любятъ только взятки брать.

[1]) Рос. Өеатръ, т. XXVI.

Тачавши хоть взбѣсися,
Ходи хоть нагишомъ:
А съ Кади подѣлися
Послѣднимъ барышомъ.

Главная тенденція пьесы вложена въ уста Калифа, который говоритъ: „Министры безсовѣстные! Сколь часто вы употребляете во зло данную вамъ власть! И отъ вашихъ злодѣйствъ нерѣдко и самый добродѣтельный государь почитается мучителемъ". Насколько языкъ далекъ отъ народности—видно изъ слѣдующаго. Абдалла поетъ Зобѣидѣ:

Твой взоръ, какъ будто шиломъ,
Мнѣ сердце уязвилъ:
Въ лицѣ твоемъ я миломъ
Тьму прелестей открылъ.
Какъ звѣзды среди ночи,
Твои сверкаютъ очи;
Какъ розовый сафьянъ,
Цвѣтъ губъ твоихъ румянъ.

Императрица Екатерина II написала четыре комическихъ оперы, а именно: 1) Февей, 2) Новгородскій богатырь Боеславичъ, 3) Храбрый и смѣлый витязь Ахридѣичъ и 4) Горе-богатырь Косометовичъ. Первая пьеса „Февей" передѣлана изъ сказки съ прибавленіемъ пѣсенъ. Состоитъ изъ 4-хъ актовъ. Содержаніе—незначительно. Царевичъ Февей выросши, захотѣлъ видѣть свѣтъ. На совѣщаніи, собранномъ царемъ по этому поводу, Рѣшемыслъ совѣтуетъ не отпускать Февея, а женить. Царь соглашается, а Февей всецѣло подчиняется волѣ батюшки и матушки. Тотчасъ посылаются сваты къ лійской царевнѣ, красавицѣ Даннѣ. Невѣста пріѣзжаетъ и устраивается свадебное торжество. Въ пьесѣ проведена тенденція повиновенія и беспрекословнаго послушанія. Въ ней много музыкальныхъ номеровъ, которые составлены изъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и вставлены въ оперу механически. Въ пьесѣ нѣтъ ничего, ни оригинальнаго, ни комическаго.

Вторая пьеса: „Новгородскій богатырь Боеславичъ"—комическая опера, составленная изъ сказки, пѣсней русскихъ и иныхъ сочиненій. Опера составляетъ пересказъ былины о ссорѣ, побоищѣ и примиреніи съ новгородцами богатыря,

кутилы и буяна Василія Буслаевича. Измѣненія въ оперѣ слѣдующія: Богатырь Боеславичъ—не дворянинъ, а княжескій сынъ, закладъ идетъ не о деньгахъ, а о княженіи и властвованіи надъ Новгородомъ, чего и достигаетъ Боеславичъ съ благословенія матушки Амелфы Тимофеевны. Въ концѣ Боеславичъ женится на Умилѣ, дочери посадника Рагуила. Опера написана былиннымъ языкомъ; нѣкоторые номера для пѣнія написаны искусственными стихами. Въ общемъ — это совершенно русская и по духу и по языку пьеса. Балетъ изображалъ цѣлыя народныя сцены: кулачный бой и народную свалку, а также танцы и пляски.

Третья пьеса Имп. Екатерины II: „*Храбрый и смѣлый витязь Ахридѣичъ*" По содержанію она совпадаетъ съ однимъ изъ лубочныхъ нашихъ произведеній, именно: сказкой о сильномъ и храбромъ, непобѣдимомъ богатырѣ Иванѣ Царевичѣ и о прекрасной его супружницѣ царь-Дѣвицѣ (Аѳанасьева—Сказки, изд. 3-е, I, стр. 237). Сюжетъ пьесы таковъ: У царя Ахридѣя пропадаютъ двѣ дочери—Луна и Звѣзда. Сынъ Ахридѣя—Иванъ Царевичъ отправляется выручать сестеръ. Съ помощью шляпы-невидимки, сапоговъ-самоходовъ и скатерти-хлѣбосолки, отнятыхъ у лѣшихъ, онъ разыскиваетъ своихъ сестеръ. Но для освобожденія ихъ необходима помощь Царь-Дѣвицы, къ которой проникнуть можно черезъ Калиновъ мостъ, охраняемый 12-главымъ змѣемъ. Посредствомъ выкованнаго имъ меча-кладенца и палицы въ 40 пудъ Царевичъ побиваетъ змѣя и проникаетъ къ Царь-Дѣвицѣ. Царь-Дѣвица посылаетъ Колдуна-Молодца освободить Луну и Звѣзду отъ волшебниковъ, а сама предлагаетъ Ивану Царевичу свое сердце. Колдунъ доставляетъ на воздушныхъ колесницахъ не только Луну и Звѣзду, но и царя Ахридѣя съ супругой—Дарьей. Оперета оканчивается хоромъ:

Чего осталося желать?
Супруга со супругомъ,
Сестры, отецъ и мать
Любуются другъ другомъ,
И что ни говори,
Блаженны въ сказкахъ всѣ цари.

Въ оперѣ встрѣчаются анахронизмы: такъ, дворецъ

Морского Чуда стерегутъ морскія чудовища съ пушками на плечахъ, а Иванъ Царевичъ, отправляясь въ тридевятое царство къ Царь-Дѣвицѣ, смотритъ на карманные часы, говоря: „Да успѣю-ли я? Вѣдь уже поздно"

4-я пьеса: „Горе-богатырь Косометовичъ". Комическая опера въ 5 д. Содержаніе слѣдующее: У богатой и знатной боярыни Локметы есть глуповатый сынъ недоросль—Горе-богатырь Косометовичъ; ему больше 15 лѣтъ, но онъ играетъ въ свайку да въ бабки. Когда игры надоѣли, онъ отправляется на рыцарскіе подвиги. Онъ одѣваетъ латы изъ картузной бумаги и пушистую шапочку изъ хлопчатой бумаги. Онъ беретъ въ подмогу конюшаго Кривомозга и щитоносца Торопа. Послѣдніе, чтобы скорѣе вернуться домой, начинаютъ стращать его всякими пустяками, и до того запугиваютъ глупого и трусливаго Горе-богатыря, что тотъ поспѣшно возвращается домой, украсивъ себя и своихъ сподвижниковъ незаслуженными побѣдными вѣнками. Дома встрѣчаетъ героя невѣста—глуповатая Гремилла Шумиловна, и дѣло кончается помолвкой. Пьеса представляетъ фарсъ, въ которомъ выставленъ въ каррикатурномъ видѣ шведскій король Густавъ III, объявившій Россіи въ 1788 году войну (см. Свѣтлова, l. с. стр. 104). Пьеса, кромѣ своего политическаго значенія, другого не представляетъ.

Княжнинъ Яковъ Борисовичъ написалъ нѣсколько комическихъ оперъ, а именно: „*Сбитеньщикъ*", „*Несчастье отъ кареты*" и „*Скупой*".

„Сбитеньщикъ"—комическая опера въ 4 д. Пьеса изъ купеческаго быта. Купецъ Волдыревъ, состоя опекуномъ Паши и не желая разставаться съ ея капиталами, задумалъ на ней жениться. Чтобы Паша не влюбилась въ кого-нибудь другого, Волдыревъ держитъ ее взаперти; вслѣдствіе этого Паша совершенно не знаетъ жизни и наивна до глупости. Но тѣмъ не менѣе у ней два ухаживателя—Извѣдъ и Болтай. Чтобы проникнуть въ домъ Волдырева и объясниться съ Пашей, оба они обращаются за помощью къ сбитеньщику Степану, причемъ Извѣдъ платитъ Степану впередъ щедрой рукою, а промотавшійся Болтай ограничивается одними обѣщаніями. Степанъ устраиваетъ дѣло въ пользу Извѣда: онъ вводитъ его въ домъ Волдырева подъ видомъ ста-

рухи, необходимой будто бы для болѣе строгаго присмотра за Пашей, а Болтаю совѣтуетъ лѣзть ночью въ окно Пашиной комнаты, убѣдивъ его, что Паша будетъ его поджидать. Въ то же время Степанъ сообщаетъ о намѣреніи Болтая Волдыреву и даетъ ему совѣтъ—стоять ночью на улицѣ съ понятыми, чтобы захватить Болтая на мѣстѣ преступленія. Волдыревъ такъ и поступаетъ, и поймавъ Болтая, поднимаетъ шумъ и скандалъ, во время котораго Извѣдъ убѣгаетъ съ Пашей и вѣнчается. Въ пьесѣ главное дѣйствующее лицо—сбитеньщикъ Степанъ—плутъ и пройдоха. Впрочемъ кромѣ него въ пьесѣ есть еще много и другихъ негодяевъ. Такъ Волдыревъ, желая завладѣть Пашей и ея деньгами, всѣми мѣрами старается сдѣлать изъ нея дурочку; нянька Паши и работникъ Волдырева Ѳаддей продаютъ своего хозяина Извѣду; Болтай—мотъ, стремящійся къ Пашѣ не ради самой ея, а ради ея денегъ. Всѣхъ ихъ обманываетъ архи-плутъ Степанъ. Хотя всѣ эти плуты могли родиться и на русской почвѣ, но такое накопленіе плутовъ въ одной пьесѣ является неестественнымъ. Неестественъ и главный плутъ—Степанъ, который напоминаетъ скорѣе слугъ въ французскихъ пьесахъ XVIII в. Тѣ идеи, которыя онъ проповѣдуетъ, болѣе приличны французу, чѣмъ русскому человѣку XVIII в. Степанъ поетъ:

Кажется не ложно,
Все на свѣтѣ можно
Покупать,
Продавать;
Только должно
Осторожно
Поступать.
Люди всѣмъ торгуютъ,
Да и въ усъ не дуютъ.
И Степанъ не болванъ,
Только должно осторожно
Класть въ карманъ.
Правда—честенъ буди
Только, какъ всѣ люди,
Отъ ума
Не до дна,

Въ четвертину,
Въ половину
Не сполна.

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Степанъ поетъ:

Чти корысть едину,
Всякъ свою скотину
То сосетъ,
То стрижетъ.
Кто умѣетъ,
Тотъ и брѣетъ
Весь заводъ.
Чтобы выйти въ люди,
Что плыветъ—все уди!

Не вполнѣ умѣстнымъ въ устахъ Степана является замѣчаніе, обращенное имъ къ Волдыреву по поводу того, что онъ, бывшій Макей, принялъ прозвище Волдырева съ цѣлью современемъ достать офицерскій чинъ: „Ну, къ стати-ли это твоему толстому брюху, твоему плоскому жирному лицу? Не лучше-ли быть полезнымъ купцомъ, нежели, сдѣлавшись офицеромъ, не быть ни тѣмъ, ни другимъ“. Тенденціознымъ кажется замѣчаніе Волдырева своему работнику Ѳаддею: „Умъ надобенъ тому, кто повелѣваетъ, а кто исполняетъ приказанія, тому надобна глупая точность“. Комичнымъ представляется отвѣтъ Власьевны на вопросъ Волдырева, хотѣла-ли Паша, чтобы онъ скорѣе пришелъ домой: „Какъ, не дожидаться! Корова-ль замычитъ, лыско-ль залаетъ, гнѣдко-ль затопаетъ, все думала, что это ты“. Народнаго въ пьесѣ нѣтъ ничего. Въ заключеніе въ аріи № 9 авторъ проводитъ слѣдующія мысли:

Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него худо съ умомъ;
Ѣздитъ счастье въ каретѣ,
А съ умомъ идешь пѣшкомъ.
Но сказать о нихъ (людяхъ) не ложно,
Потихоньку можетъ всякъ,
Безъ ума такъ жить можно,
А безъ счастья—никакъ.

Всѣ странности и неестественности въ пьесѣ объясняются, по моему мнѣнію, заимствованіями изъ французскихъ

комедій и неумѣніемъ приспособить эти заимствованія къ русской жизни [1])

Вторая опера Княжнина: *„Несчастье отъ кареты“* Ком. опера въ 2 д. [2]) Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Фирюлина, недалеко отъ С.-Петербурга. Помѣщикамъ Фирюлинымъ хочется выписать себѣ карету изъ Парижа, но на покупку нѣтъ денегъ вслѣдствіе неурожая, поэтому они приказываютъ своему приказчику Клементію, котораго производятъ въ Клемана, продать въ рекруты нѣсколькихъ крѣпостныхъ людей. Плутъ приказчикъ пользуется такимъ приказомъ для своихъ цѣлей, чтобы жениться на понравившейся ему дѣвушкѣ Анютѣ; онъ задумываетъ продать въ рекруты ея жениха—Лукьяна. Но въ дѣло вмѣшивается шутъ помѣщика, который и доводитъ до свѣдѣнія господъ, что Анюта и Лукьянъ умѣютъ произносить нѣсколько французскихъ словъ. Это обстоятельство приводитъ въ такой восторгъ господъ, что они приказываютъ обвѣнчать Лукьяна и Анюту и берутъ ихъ къ себѣ въ услуженіе.

Въ пьесѣ есть комическій и сатирическій элементы. Такъ, напр., чтеніе письма Клементіемъ отъ барина весьма комично:

Прикащикъ (читаетъ):

О! ты котораго глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія до нынѣ безчестили! Изъ особливой къ тебѣ милости за то, что ты большую часть крестьянъ одѣлъ по-французски, жалую тебя Клеманомъ (Прикащикъ при этомъ словѣ смотритъ на всѣхъ, и мужики кланяются).

Трофимъ и мужики.

Дай Богъ счастья въ новомъ чинѣ!

Прикащикъ (продолжаетъ читать):

И впредь повелѣваю всѣмъ не оф... ан... си... ровать (Перестаетъ читать). Не офансировать. Это, кажется, не чинъ; однако, не разумѣю. (Читаетъ): Не офансировать тебя сло-

---

[1]) Свѣтловъ указалъ на порядочныя заимствованія въ оперѣ „Сбитеньщикъ“ изъ комедіи Мольера „Школа женщинъ“, а самъ сбитеньщикъ Степанъ напоминаетъ Фигаро (l. c. стр. 116).

[2]) Россійскій Ѳеатръ, т. XXIV.

вомъ Клементія, а называть Клеманомъ (Спѣсиво смотря на всѣхъ).... а называть Клеманомъ! Слышите-ли?

Трофимъ и мужики.

Слышимъ-ста; слава Богу, мы всѣ рады!

Сатира пьесы направлена на галломанію русскихъ бaръ XVIII в., что согласуется вполнѣ съ сатирой журналистики XVIII в.; но въ пьесѣ есть и протестъ противъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. Такъ, Лукьянъ говоритъ:

„Боже мой, какъ мы несчастливы! Намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся и которые безъ насъ—бы съ голоду померли".

Шутъ, обращаясь къ Фирюлину, говоритъ:

Вывезли много вы диковинокъ, а жалости къ слугамъ своимъ ничего не привезли; знать, тамъ этова нѣтъ.

Фирюлинъ.

Жалости къ русскимъ? Ты рехнулся, Буффонъ! Жалость моя вся осталась во Франціи; и теперь отъ слезъ не могу воздержаться, вспомнивъ... Парижъ.

Шутъ.

Это хорошо: плакать о томъ, что вы не тамъ, а слугъ своихъ безъ жалости мучить! И за что? Чтобъ францускую карету купить!

Трофимъ, обращаясь къ Фирюлину, говоритъ:

Ты отецъ!

Фирюлинъ.

Что это за тварь? Меня отцомъ назвать смѣетъ! Развѣ мой батюшка былъ твой отецъ? А я не хочу такому свиньѣ отцомъ быть. Впредь не отваживайся!

Въ заключеніе хоръ поетъ:

Должно-ль, чтобъ насъ жизнь крушила,
Хоть и много въ жизни зла?
Васъ бездѣлка погубила,
Но бездѣлка и спасла.

Въ пьесѣ есть протестъ и противъ городской жизни. Анюта спрашиваетъ Лукьяна: что онъ видѣлъ въ городѣ?

Лукьянъ отвѣчаетъ: шумъ, великолѣпіе; золото рѣками льется, а счастья—ни капли.

Пьеса по содержанію скорѣе походитъ на комедію, чѣмъ на комическую оперету. Народнаго въ пьесѣ нѣтъ ничего.

Третья комическая опора того же Княжнина—*„Скупой“* Пьеса въ 1 д. Счастью влюбленныхъ Миловида и Любимы препятствуетъ опекунъ-скупецъ Скрягинъ изъ-за нежеланія разстаться съ принадлежащими Любимѣ деньгами. Чтобы достигнуть цѣли, Миловидъ подсылаетъ къ Скрягину свою горничную Марфу и лакея Пролаза; первая, разыгрывая роль графини, влюбляетъ въ себя Скрягина, а второй увѣряетъ послѣдняго, что мнимая графиня влюблена въ него и очень богата. Такимъ путемъ выманиваются 20 тысячъ денегъ, принадлежащихъ Любимѣ, и кромѣ того Миловидъ, выхлопотавъ бумагу о снятіи опеки надъ Любимою, предъявляетъ ее Скрягину, который и вынужденъ былъ согласиться на ихъ бракъ, произнося при этомъ проклятія.

Пьеса написана въ духѣ французскихъ комедій, гдѣ часто также выступаетъ опекунъ, устраивающій препятствія браку опекаемыхъ, а также выступаютъ слуги, устраняющіе эти препятствія. Въ данной пьесѣ также много неестественностей. Такъ неестественно, чтобы Скрягинъ принялъ горничную за графиню и ею увлекся. Еще неестественнѣе, чтобы онъ, страшный скупецъ, далъ мнимой графинѣ 20 тыс. Такъ какъ цѣль достигнута, то предъявленіе бумаги о снятіи опеки оказывается лишнимъ.

Крыловъ Иванъ Андреевичъ написалъ комическую оперу „Бѣшенная семья“. Пьеса въ 3 д. Содержаніе слѣдующее: Бабушка, матушка, сестра и дочь нѣкоего Сумбура влюбляются въ одного офицера Постана. Послѣдній любитъ сестру его Пріяту, находящуюся подъ опекой Сумбура. Послѣдній противится браку, такъ какъ въ случаѣ брака онъ долженъ разстаться съ ея деньгами. Постану помогаетъ слуга его Проныръ и служанка Сумбура—Извѣда, которая проноситъ ихъ обоихъ (Постана и Проныра) въ корзинѣ съ посудой въ домъ. Въ концѣ концовъ Сумбуръ, чтобы избавиться расходовъ на наряды, соглашается на бракъ.

Въ этой пьесѣ, написанной по обычной канвѣ, нѣтъ ничего оригинальнаго. Та же любовь въ основѣ, тѣ же пре-

пятствія въ лицѣ отца или опекуна, а также помощь слугъ, которые прибѣгаютъ къ хитрости для достиженія цѣли. Нѣсколько подбавлено шаржу въ изображеніи любви бабушки и матушки. Въ пьесѣ, правда, замѣчается нѣкоторый цинизмъ. Такъ, Проныръ, отзываясь о женщинахъ, говоритъ: „Ей-ей, въ когтяхъ десяти чертей спокойнѣе быть, нежелибы въ рукахъ двухъ женщинъ"! А въ концѣ пьесы, объясняясь въ любви Извѣдѣ, говоритъ: „Но если мнѣ надъ головою рога наставятся тобою, тогда бѣда твоя"!

Должно замѣтить, что этотъ цинизмъ вложенъ въ уста слуги Проныра и, конечно, онъ русскаго происхожденія, а не заграничнаго.

Левшинъ Василій Алексѣевичъ написалъ нѣсколько комическихъ оперъ: 1) „Король на охотѣ", 2) „Свадьба господина Болдырева", 3) „Мнимые вдовцы" и 4) „Своя ноша не тянетъ".

1) „Король на охотѣ", комич.опера въ 3 д. У лѣсничаго есть сынъ Иванъ и дочь Роза. Иванъ любитъ Анюту, а Роза — Илью. Но отецъ не соглашается на бракъ дочери вслѣдствіе бѣдности Ильи. Графъ Вѣтровъ, будучи на охотѣ въ этихъ мѣстахъ, похищаетъ Анюту и увозитъ въ городъ. Иванъ идетъ вслѣдъ на поиски. Тамъ въ городѣ, въ графскомъ домѣ, ему грозятъ, и онъ возвращается ни съ чѣмъ. Между тѣмъ Анюта убѣгаетъ ночью изъ дома графа и является въ деревню. Въ это время пріѣзжаетъ на охоту самъ король. Заблудившись въ лѣсу, онъ встрѣчается съ лѣсничимъ Максимомъ Сидоричемъ, который и приводитъ его въ свой домъ. Здѣсь лѣсничій, принимая его за придворнаго, угощаетъ на славу, и высказываетъ добрыя чувства по отношенію къ королю. Сюда же приводятъ стражники графа Вѣтрова и вельможу Добродума, которыхъ принимаютъ за хищниковъ. Иванъ и Анюта тотчасъ узнаютъ графа, который грозитъ ихъ наказать. Между тѣмъ выходитъ изъ-за ширмъ король и, узнавъ всю правду, наказываетъ графа изгнаніемъ и устраиваетъ счастье двухъ влюбленныхъ парочекъ, выдавъ имъ въ приданное по 2 тысячи талеровъ.

Г Свѣтловъ (l. c. стр. 121) отмѣтилъ, что въ литературномъ отношеніи пьеса представляетъ большой курьезъ,

заключающійся въ смѣси русскаго народнаго быта съ буколическимъ пейзанствомъ. На мой взглядъ, буколическое пейзанство дѣйствительно замѣтно, но русскаго быта я въ этой пьесѣ не замѣтилъ. Пьеса несомнѣнно написана съ цѣлью прославленія царствованія Имп. Екатерины II и ея благихъ мѣръ. Иванъ разсказываетъ о городѣ: „Тамъ отъ мала до велика ни о чемъ больше не говорятъ, какъ о нашемъ милосердомъ королѣ; то сказываютъ: онъ бѣднымъ учредилъ пропитаніе; для больныхъ и увѣчныхъ завелъ домы; по городамъ устроилъ училища (безплатныя). Еще для несчастныхъ младенцевъ, гдѣ всякая спасенная жизнь на нево указываетъ; со славою защитилъ государство отъ враговъ и завистниковъ; расширилъ предѣлы онаго безъ пролитія крови; издалъ мудрые и спасительные законы. Заслуги награждаетъ, пороки истребляетъ, но не мечемъ, а кротостью. Всякъ можетъ къ нему писать, какъ другу, о своихъ нуждахъ“. На это Максимъ отвѣчаетъ: „Милосердіе сердца смягчаетъ, а мечъ—ожесточаетъ“. Король, вслушиваясь въ признанія Максима о преданности и любви къ королю, говоритъ: „О, какъ-бы меня всѣ подданные такъ любили! Это стоило бы труда быть королемъ!“. Въ пьесѣ есть тенденція и о томъ, что цари должны имѣть истинныхъ друзей, которые бы ихъ не обманывали: Король поетъ:

Счастливъ монархъ тогда не ложно,
Коль друга можетъ онъ имѣть.
Безъ помощи такой какъ можно
Порокъ въ себѣ ему узрѣть?
Не льстецъ-ли истину намъ скажетъ?
Предатель-ли остережетъ?
Грабитель-ли на зло укажетъ
И хищникъ-ли что сбережетъ?
Съ величествомъ своимъ несчастны,
Въ обманѣ мы, намъ льстятъ.
Что всѣхъ сердца мы зрѣть не властны,
За то жестоко насъ винятъ.

Чтобы судить, сколько народности въ пьесѣ, приводимъ начало аріи Ивана изъ 3-го дѣйствія:

Сколько розы не плѣняютъ,
Расцвѣтаючи весной,

Вѣтерки, когда качаютъ
Ихъ блестящихъ подъ росой,
Но уста моей Анюты
Ихъ прекраснѣе сто кратъ,
Въ счастливы когда минуты
Поцѣлуи мнѣ дарятъ.
Сладко птички воспѣваютъ
Въ рощахъ громкихъ по утрамъ,
Соловьи насъ восхищаютъ,
Радости приносятъ намъ;
Но когда Анюта скажетъ:
Милый мой, поди сюда!
Сколько сердца мнѣ покажетъ
Этотъ звукъ себя тогда... и т. д.

Вторая пьеса того же Левшина—„Свадьба Г. Волдырева", ком. опера въ 1 д. Содержаніе слѣдующее: Вдова полковника Прельщалова, изъ боязни быть описанной купцомъ Волдыревымъ за долги, по уговору съ своимъ любовникомъ Мотыгинымъ, притворяется влюбленной въ Волдырева, и въ тотъ моментъ, когда Волдыревъ заключаетъ ее въ свои объятья, является подсматривавшій Мотыгинъ и на правахъ яко-бы дяди запугиваетъ Волдырева и заставляетъ не только жениться на Прельщаловой, но и уничтожить выданные ею векселя и подписать бумагу, по которой укрѣпляется за Прельщаловой все его имѣніе.

Въ пьесѣ разлито слишкомъ много цинизма. Такъ, Прельщалова на вопросъ Мотыгина: какъ же быть? прежде онъ одинъ владѣлъ ея сердцемъ, а теперь долженъ оное раздѣлять,—отвѣчаетъ: „О! въ этомъ раздѣлѣ ты въ накладѣ не останешься. Я замѣчаю, что ты немножко ревнивъ. Какъ тебѣ не стыдно? Эта страсть нынѣ оставлена только посадскимъ и крестьянамъ; позволь Волдыреву ею пользоваться въ полномъ правѣ. Неужъ-ли ты по сихъ поръ не привыкъ имѣть общее? Люди, по вкусу живущіе, сему слѣдуютъ. Въ нашемъ златомъ вѣкѣ мы имѣемъ все за общее: снисхожденіе красавицъ представляетъ равное право на ихъ прелести любовникамъ, какъ и супругамъ. Кто обворовываетъ въ карты, кто живетъ на чужой счетъ, кто беретъ взятки, не общее-ли имѣетъ состязаніе съ тѣми, кои проигрыва-

ютъ, коихъ обманываютъ и коихъ грабятъ? Перестань, мой другъ! Собственно, твои выгоды требуютъ радоваться о моемъ намѣреніи".

Марина-служанка говоритъ: „Обманывать людей немножко безсовѣстно; но кто бабѣ не внукъ? Нынѣ это первое искусство на свѣтѣ; и въ каждомъ мѣстѣ преподаютъ въ немъ уроки" Обращаясь къ Мотыгину, та же Марта говоритъ: „Э, сударь, да что вы теряете? Въ основаніи—ничего. Вмѣсто того вы находите пріятнѣйшій случай ковать рога любовницы вашей супругу, который въ ея сердцѣ не имѣетъ ни малаго участія. А при томъ за все это вы будете еще получать содержаніе изъ собственнаго его кошелька. Не забавно-ли это?

Люботрясъ (слуга).

„Она пѣла чистую правду. Нынѣ должно или не жениться, или въ мужьяхъ быть глухимъ и слѣпымъ... Въ бракахъ введено въ обычай хранить вѣрность только одинъ годъ, послѣ чего мужъ въ сторону, а жена въ другую... Господа французы посѣяли у насъ на Руси прекрасные нравы. Напримѣръ: значитъ жить по-мѣщански, т. е. подло, мужу съ женой въ одной спальнѣ! Ха-ха-ха! Еще того подлѣе—входить въ ея покои, не доложась. А всего сквернѣе—не имѣть на содержаніи дѣвки и не ласкать тѣхъ, кои дѣлаютъ снисхожденіе украшать лобъ ихъ оленьими шапками. Подлинно мы хороши! Такъ что не походимъ на нашихъ предковъ. Да это и не чудо! Какъ къ нимъ сходствовать, когда нынѣ дѣти рѣдко сходствуютъ къ отцамъ. Все нынѣ полосатое; а таковы же честь, совѣсть и стыдъ: все испещрено такъ, что и различить нельзя".

По словамъ слуги Люботряса, эти нравы позаимствованы нами отъ французовъ, а за нимъ, къ сожалѣнію, идутъ и многіе изслѣдователи. Если Пр. Незеленовъ имѣлъ въ виду этотъ цинизмъ при характеристикѣ комическихъ оперетъ, то можно увѣрить всѣхъ его послѣдователей, что въ русской городской жизни этого цинизма было и есть гораздо больше, чѣмъ во французскихъ комедіяхъ.

Третья пьеса того же Левшина—*„Мнимые вдовцы"*, ком. опера въ 3 д. Содержаніе слѣдующее: Графиня отсылаетъ

своего управителя лѣчиться, и въ его отсутствіе объявляютъ его женѣ Маланьѣ, что мужъ умеръ. Она охотно вѣритъ, такъ какъ страстно влюблена въ далекаго родственника мужа—Милона, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, влюбленъ въ Лизу, родственницу Маланьи. Графиня, желая потѣшиться, замышляетъ устроить на сценѣ комедію, въ которой слуги должны были изображать неутѣшную вдову. До спектакля, однакожъ, возвращается мужъ Маланьи, котораго также увѣряютъ, что жена его умерла, а Лиза въ него влюблена. Затѣмъ Черкаловымъ, секретаремъ графини, устраивается свиданіе супруговъ и, благодаря обоюдному замѣшательству, устраивается при помощи графини бракъ Милона съ Лизой.

Комическимъ въ пьесѣ является обоюдное желаніе освободиться отъ супружескихъ узъ и наклонность къ амурничанью въ старыхъ лѣтахъ. Но далеко не комичнымъ является желаніе графини потѣшиться на счетъ слабостей ближняго. Левшинъ устами Черкалова высказываетъ слѣдующія сентенціи о притворствѣ. Обращаясь къ Архипу Щелилину, Черкаловъ говоритъ: „Повѣрьте мнѣ: притворство составляетъ единственный узелъ, которымъ держится всякое общество... Съ помощью притворства люди свѣтскіе цалуются, какъ братья; соперницы встрѣчаются ласковою усмѣшкой; и сочинители кланяются другъ другу еще издалека. Черезъ притворство новыя знакомства получаютъ видъ дружества и вкоренѣлая злоба остается непримѣтною... Безъ притворства многія любовныя шалости вышли бы наружу и стали бы браконарушеніемъ. И такъ, притворство служитъ женщинамъ вмѣсто маски, а мужчинамъ—вмѣсто добронравія. Оттого-то нынѣ всѣ супружескія четы кажутся счастливыми".

Есть въ пьесѣ и мотивъ объ измѣнѣ женъ и о рогахъ, наставляемыхъ ими мужьямъ; но это, видимо, любимый мотивъ самого Левшина. Интереснымъ представляется замѣчаніе объ операхъ и ихъ постановкѣ: „Нынѣ, говоритъ Черкаловъ, вкусъ странный: уличную пѣсенку или крестьянскую, или на голосъ польскаго; впрочемъ, ничего не нравится. Сочинителю и компонисту надобно такъ себя учреждать, чтобы всякой сбитеньщикъ и всякая коровница съ перваго ра-

зу пѣть могли... Лови только знакомыя мелодіи, поприкрась —и всякій осаднитъ руки хлопавши". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Черкаловъ говоритъ: „Что за невольничество—держаться костюма! Знатоки нашли, что это излишество, ненужный расходъ, и что Артаксеркса столько-жъ ловко можно съиграть въ нѣмецкомъ платьѣ, какъ много есть примѣровъ.

Четвертая пьеса Левшина—„*Своя ноша не тянетъ*". Ком. опера въ 2 д. Помѣщикъ Скопидомовъ имѣетъ дочь Анюту, въ которую влюбленъ сосѣдъ Миловидовъ. Между тѣмъ, Скопидомовъ оттягалъ имѣніе Миловидова посредствомъ сутяги Хапилова, требующаго руки дочери Анюты, въ видѣ награды за содѣйствіе. Слуги—Созонъ и Лукерья помогаютъ Миловидову свидѣться съ Анютой, а послѣдній, увѣрившись въ ея любви, передаетъ письмо отъ сенатора Прямикова, въ которомъ извѣщается, что сенатъ рѣшилъ дѣло въ пользу Миловидова и дается совѣтъ помириться съ послѣднимъ. Хапиловъ позорно изгоняется изъ дома, а Анюта выходитъ замужъ за Миловидова.

Такъ какъ въ пьесѣ не послѣднюю роль играетъ Хапиловъ, то здѣсь проводятся тенденціи хапиловскаго характера, хотя и высказываетъ ихъ слуга Созонъ: „Слегка, думаю, покривить можно! Понатерпясь въ свѣтѣ, я научился, какъ нынѣ люди живутъ и какъ думаютъ". Поетъ:

Правдой жить на свѣтѣ можно,
Да не будетъ барыша:
Поступаючи, какъ должно,
Не добудешь ни гроша.
Это всѣ уже смекнули
Разживаться какъ и чѣмъ,
И карманы понадули,
Бросивъ правду прочь совсѣмъ.
Мыслятъ: бей хоть по губѣ,
Только лишь косымъ мѣшкомъ!
Плутъ въ собольей ходитъ шубѣ,
А правдивой—босикомъ.

Въ другомъ мѣстѣ: „Ну, Созонъ, плутуй, пока съ рукъ сходитъ! Да какъ же быть? И не наши сѣни подламываются! Не я первой, не я послѣдній. Долго живучи въ большомъ

свѣтѣ, пересмотрѣлъ все и узналъ, что нынѣшняя философія заключается въ таковыхъ правилахъ":

(Поетъ): Будь на свѣтѣ лишь проворенъ,
Гибокъ, смѣлъ, лукавъ и скроменъ,
То пойдетъ все чередомъ;
Никому не довѣряйся,
Всѣхъ обманывать старайся;
Тайна жить искусно въ томъ.
Такъ-то дѣлаютъ всѣ хваты,
Становятся такъ богаты,
Что воруютъ, гнутся, льстятъ:
Гдѣ лишь можно, все цѣпляютъ,
Потакаютъ,
Не болтаютъ
И сквозь пальчиковъ глядятъ.

Самъ Хапиловъ, обращаясь къ Скопидомову, говоритъ: „Держись только нашего брата! У насъ законы то говорятъ, какъ мы ихъ заставимъ".

Этотъ хапиловскій цинизмъ очень былъ развитъ у насъ на Руси въ XVIII в., о чемъ свидѣтельствуютъ многія литературныя произведенія.

Матинскій Михаилъ написалъ комическую оперу въ 3 д.: „С.-Петербургскій Гостинный Дворъ". Купецъ Сквалыгинъ, держась правила—„кромѣ себя, никому добра не желать, и стяжать имѣніе свое, хотя бы со вредомъ другому", обдѣлываетъ разныя темныя дѣла при помощи жениха своей дочери Хавроньи и подьячаго Крючкодѣя. Они прижимаютъ должниковъ, надуваютъ кредиторовъ и занимаются подчисткой векселей. Въ концѣ оба попадаютъ за плутни въ руки правосудія и несутъ должное возмездіе.

По своей колоритности и по типичности дѣйствующихъ лицъ, эта пьеса выдѣляется выгодно изъ всѣхъ комическихъ оперъ XVIII в. Какъ замѣтилъ Свѣтловъ, типы изъ жизни русскаго купечества могутъ быть названы прототипами комедій А. Н. Островскаго *). То же невѣжество, самодурство, пьянство и нечестное веденіе торговаго дѣла, какъ и въ комедіяхъ Островскаго. Подьячій Крючкодѣй весьма близокъ

*) Свѣтловъ, l. c. Кн. 3, стр. 11.

къ чиновникамъ-хапунамъ Островскаго, но онъ близокъ и къ крапивному сѣмени Сумарокова. Женскіе типы—совершенно въ духѣ купчихъ того же Островскаго. Недурно написана сцена дѣвичника въ домѣ Сквалыгина по поводу помолвки дочери Хавроньи съ Крючкодѣемъ, а также подъяческая нарядная свадьба.

Николевъ Ник. Петровичъ написалъ нѣсколько „драммъ съ голосами" и оперъ.

1-я пьеса: „*Розана и Любимъ*"—въ 4 д. [1]) Содержаніе: У отставного солдата Излѣта двѣ дочери—Розана и Милена. У Розаны есть женихъ Любимъ. Между тѣмъ богатый помѣщикъ Щедровъ, увидѣвъ Розану въ лѣсу на охотѣ, влюбляется въ нее и увозитъ ее при помощи хитраго и готоваго на все за бутылку водки лѣсничаго Семена. Стойкость Розаны, страстно любящей своего жениха Любима, и просьбы отца Излѣта трогаютъ еще неиспорченнаго Щедрова, и онъ, вознаградивъ ее приданымъ, отпускаетъ съ миромъ.

Въ пьесѣ есть выходки противъ дворянъ и городской жизни и прославляется жизнь деревенская. Излѣтъ, узнавъ, что Щедровъ увезъ Розану, говоритъ: „Этотъ честный и хвальной сосѣдъ во всемъ околоткѣ? Такъ вотъ добродѣтели-то знатныхъ бояръ! Коли не раззоряютъ сосѣдей, такъ увозятъ дѣвокъ, не ставятъ за грѣхъ обезчестить бѣднаго человѣка съ тѣмъ, чтобъ бросить ему деньги... Нехристіанинъ, не знаетъ онъ, что честь также дорога и намъ: ахъ, будто легко это отцу!". На замѣчаніе лѣсника, чтобы Излѣтъ не шелъ къ Щедрову, такъ какъ его тамъ „приколошматятъ", Излѣтъ отвѣчаетъ, что онъ найдетъ судъ и на дворянина: онъ найдетъ защиту въ Царицѣ. „Наша царица—та же мать".

О городской жизни хоръ поетъ:

Всѣ городскія забавы—бездѣлье:
Тамъ всякъ въ неволѣ;
Прямое веселье
Здѣсь въ чистомъ полѣ.

Въ другомъ мѣстѣ хоръ поетъ:

Пусть забавы городскія
Всѣхъ прельщаютъ суетой;
Тамъ забава—звукъ пустой...

---

[1]) Россійскій Өеатръ, т. XXII.

Тамъ коварство, ложь и лесть,
Тамъ въ изгнанiи честь.
Здѣсь (въ деревнѣ) сердецъ любовь не рветъ:
Всякъ счастливо здѣсь живетъ.

О боярахъ въ пьесѣ находимъ слѣдующее:

Нѣтъ въ свѣтѣ счастья, бояры говорятъ,
Скука да мука,
Всегда они твердятъ.

Любимъ говоритъ: „Много я на нихъ (бояръ) насмотрѣлся! То-то чудаки! Что ни дѣлаютъ — все на выворотъ: ночь шатаются, день дрыхнутъ—пречудные люди!".

Объ отношенiи баръ къ крестьянамъ.

(Хоръ поетъ):

Бары нашу братью такъ
Принимаютъ, какъ собакъ.
Для него (боярина) крестьянинъ—клопъ.

Въ пьесѣ встрѣчается явный сентиментализмъ. Такъ, лѣсникъ Любимъ и Розана падаютъ въ обморокъ. Кромѣ того—Любимъ и Розана поютъ:

Пусть не богаты мы съ тобой,
Любовью сыты мы одной.

Въ заключенiе Щедровъ говоритъ Излѣту: „Ты научилъ меня своимъ примѣромъ, что добродѣтель неравенства не знаетъ... (въ сторону): тщетно наша гордость присваиваетъ всѣ преимущества: природа вездѣ одинакова". И далѣе онъже поетъ:

Кто чести не подвластенъ,
Тотъ въ счастьи несчастливъ.
Любовь—прiятный жаръ,
А честь – прекрасный даръ.

Пьеса растянута; характеры обрисованы слабо, за исключенiемъ лѣсника Семена, похожаго на аблесимовскаго мельника. Оперета написана мѣстами живымъ народнымъ языкомъ (Свѣтловъ, l. c. стр. Кн. 3, стр. 15).

Вторая пьеса того-же Николева „*Прикащикъ*", драмат. пустельга въ 1 д. Сюжетъ пьесы плохо развитъ: Помѣщичiй прикащикъ—плутъ и воръ—хочетъ насильно жениться на дочери огородника Завидѣ, разлучивъ ее съ ея любезнымъ Миловзоромъ. Но это ему не удается, такъ какъ по

жалобѣ крестьянъ баринъ его смѣщаетъ, а Завиду выдаетъ замужъ за любезнаго ей пастуха Миловзора. Прикащикъ въ жалобѣ крестьянъ рисуется, какъ воръ: онъ обираетъ міранъ, ворует барскій лѣсъ и сѣно и все это продаетъ. Въ пьесѣ особенно нравилась сцена, гдѣ выгоняли гусей и пѣли: „тига, тига, домой“ Пьеса хотя пустенькая, но ей нельзя отказать въ бытовомъ значеніи.

8-я пьеса его-же: „*Точильщикъ*“, комич. опера въ 2 д. [1]) Точильщикъ Макаръ, забулдыга и пьяница, постоянно ссорится съ женой *Улитой*. Услышавъ жалобы Улиты на мужа и на бѣдность, нѣкая волшебница Орманзумія даетъ ей въ утѣшеніе „три желанія“: два - какія Улита съ мужемъ придумаютъ, а третье—„быть вамъ въ прежнемъ состояніи“. По первому желанію Улиты она превращается въ царицу и первымъ дѣломъ хочетъ отрубить голову мужу; чтобы избѣжать наказанія, Макаръ выражаетъ желаніе провалиться въ адъ, что немедленно исполняется. Очутившись въ аду и испугавшись его, оба изъявляютъ желаніе попасть на прежнее жилище, что также исполняется.

Пьеса, какъ видно изъ содержанія, есть передѣлка сказки о золотой рыбкѣ, причемъ мѣтко обрисованы отношенія между мужемъ и женою. Макаръ называетъ Улиту уродомъ, глухой, слѣпой вѣдьмой. Улита представляется весьма упорной, которая всегда твердитъ свое: стриженное. Давая совѣтъ будущему зятю, Макаръ говоритъ: „жену, какъ змѣю, не сажай за пазуху“, а далѣе: „люби жену, какъ душу, а бей ее, какъ шубу“. Когда жена Улита, сдѣлавшись царицей, хочетъ отрубить мужу голову, онъ называетъ ее красавицей и проситъ пощады. Въ заключеніе Макаръ поетъ:

Берегитесь, друзья,
Фролъ, Лука, Антропъ, Илья!
Злой жены, какъ сатаны.

Опера написана мѣткимъ народнымъ языкомъ, а характеры Макара и Улиты набросаны живо и не безъ комизма. Что касается высказанныхъ взглядовъ на жену и на отношенія между мужемъ и женою, то эти взгляды ведутъ свое начало на Руси изъ древнихъ временъ.

4-я пьеса того же Николева — „Любовникъ-колдунъ“,

[1]) Россійскій Театръ, т. XXII.

ком. опера въ 1 д. Содержаніе пустое и ничтожное. Тетка и три племянницы влюблены въ нѣкоего Миловидова, который любитъ одну изъ племянницъ—Лизу. Желая удостовѣриться въ любви къ нему Лизы, онъ является къ нимъ въ видѣ заѣзжаго колдуна и посредствомъ хитростей убѣждается, что всѣ четыре влюблены въ него. Тогда онъ открывается Лизѣ, а остальныхъ путемъ того же колдовства убѣждаетъ, что любовь ихъ къ Миловидову принесетъ имъ только несчастье. Тѣ ему вѣрятъ, а Лиза достается Миловидову

Здѣсь въ пьесѣ нѣтъ никакого дѣйствія, нѣтъ ничего комическаго. Хитрость Миловидова слишкомъ прозрачна, и незамѣтна лишь для влюбленныхъ дуръ. Интереснымъ является замѣчаніе тетки: „Нынѣча свѣтъ перемѣнился и всѣ другъ отъ друга таятся; скрываютъ свои мысли; а это оттого, что худо посты содержатъ и мало поклоновъ кладутъ“

Пятая пьеса его же — *„Опекунъ-профессоръ или любовь хитрѣе краснорѣчія“*. Шутливая опера въ 1 д. Профессоръ элоквенціи (Трисотиніусъ у Сумарокова) Старонъ, будучи опекуномъ Элизы, задумываетъ на ней жениться съ цѣлью избавиться отъ представленія отчета по опекаемому имъ имѣнію Элизы. Но такъ какъ Элиза и ея возлюбленный Милонъ не только не требуютъ отъ Старона отчета, но даже дарятъ ему самое имѣніе, то все и кончается благополучно къ общему удовольствію. Характеренъ типъ профессора-шута, который преподаетъ Элизѣ реторику. Себя считаетъ великимъ профессоромъ элоквенціи. Элизу онъ называетъ то млекососицей, то „движущая метафора прелѣпаго купидона“. Старонъ, обращаясь къ Элизѣ, поетъ:

Коль престанешь быть сурова,
Демосѳенова мнѣ слова
Драгоцѣннѣй будешь ты.
Превзойдеши необычно,
Гласно, зрачно, лѣполично
Ево стиля красоты.

На это Элиза отвѣчаетъ:

„Ха-ха-ха, перестань, перестань! Ты меня уморишь, г. профессоръ“!

Здѣсь, несомнѣнно, имѣется въ виду профессоръ элоквенціи Тредьяковскій.

Поповъ Михаилъ Васильевичъ написалъ ком. оперу въ 1 д. въ стихахъ „*Анюту*". Содержапіе таково: У крестьянина Мирона есть пріемная дочь Анюта, которую онъ прочитъ за своего батрака Филата. Анюта между тѣмъ любитъ дворянина Виктора, а надъ Филатомъ смѣется и заявляетъ Мирону, что скорѣе умреть, чѣмъ выйдетъ за „страмца" и урода Филата. Узнавъ о намѣреніяхъ Мирона, Викторъ самъ хочетъ жениться на Анютѣ, при этомъ кстати узнаетъ, что она не крестьянка, а дочь полковника, вынужденнаго бросить семью и подбросить дочь крестьянину. Викторъ даетъ отступного Мирону и Филату, который нисколько не горюетъ, что лишился жены-дворянки; за 30 рублей можно купить двѣ жены крестьянки. Дѣйствіе происходитъ въ полѣ, возлѣ Викторовой деревни. Крестьянинъ Миронъ жалуется на работу и завидуетъ дворянамъ, которые, ничего не дѣлая, сладко ѣдятъ:

Охти, охти, крестьяне!
Зачѣмъ вы не дворяне?
Вы сахаръ бы зобали
Такъ словно бы, какъ міодъ,
И пили бы вы міодъ,
Да деньги огребали
Изъ рода въ родъ и родъ;
Ліожали-бъ на печи,
Да ѣли калачи:
Про васъ бы работали,
А вы бы лишь мотали...
Боярская забота:
Пить, ѣсть, гулять и спать;
И вся ихъ въ томъ работа,
Штобъ деньги обирать.
Мужикъ, сушись, крушися.
Потѣй и работай:
И послѣ, хоть взбѣсися,
А денежки давай.
Вотъ наша жизнь какая,
Проклятая, благая!

Характоренъ также разговоръ Мирона съ Филатомъ;

Миронъ.

Гдѣ, милой, побродилъ?

Филатъ.

На сходѣ-сте сидѣлъ.

Миронъ.

А для чаво сходъ былъ?

Филатъ.

А вотъ-сте, староста збиратца ѣхать въ городъ,
Такъ баялъ, штобы всѣмъ складчину положить;
Алтынъ хоть по пятку; да міръ сталъ говорить,
Што нынѣ-дѣ у насъ, Пафнутьичь, знать вить голодъ,
Такъ будіотъ-дѣ съ души копѣiокъ и по пити,
Такъ станетъ и тово довольно исамъ на пти.

Миронъ.

Да на што жо іому и екая складчина?

Филатъ.

Слышь, у подъячаго жена родила сына.

Миронъ.

Неужто и робя приносы ужъ беретъ!
Полно, не староста-ль въ карманъ себѣ деріотъ?

Филатъ.

Нѣтъ, пра, сте, на поклонъ; подъячему на кстины,
А жонкѣ на родины...
Ефремъ было судилъ и гроша не давать.
За што дѣ за это намъ деньги имъ совати,
Што множитца въ Руси ихъ злой крапивной родъ.
Какой дѣ скотъ отъ нихъ намъ добрымъ людямъ плодъ?
Вѣдь только дѣ они бумагу лишь мараютъ:
Да взятки и съ живыхъ и съ мертвыхъ обираютъ.

Миронъ.

Нѣшто вѣть, побери ихъ прахъ!
Они охальники, еретики и бусорманы,
Такъ словно, какъ цыганы,
Сжираютъ весь нашъ хлѣбъ, вгоняя бѣдныхъ въ страхъ,
Крестьянское житье и плохо и убого.

Анюта выражается не какъ крестьянка, а какъ барышня:

Ахъ, Викторъ, если бы я съ тобою не спозналась,
Не такъ бы я терзалась...
Мнѣ всѣ передъ тобою
Крестьяне кажутся невѣжливой толпою.

Въ другомъ мѣстѣ:

Жизнь моя съ тобою мнѣ радость:
Безъ тебя мнѣ будетъ въ тяжесть;
Жизнь и смерть моя въ тебѣ.

Въ современной критикѣ (С.-Петербургскія Ученыя Вѣдомости на 1777 годъ, № 8) было отмѣчено, что нарѣчіе, на которомъ говорятъ Миронъ и Филатъ, для оперы дико, а также и то, что Анюта мыслитъ и разговариваетъ благороднѣе и пріятнѣе, нежели то приличествуетъ крестьянамъ по воспитанію. Замѣчаніе вполнѣ справедливое. Самая схема пьесы—о любви къ воспитанницѣ въ крестьянской семьѣ—является заимствованной изъ французскихъ комедій, но обработка представляется въ достаточной степени оригинальной.

Херасковъ Михаилъ Матвѣевичъ написалъ оперу „*Добрые солдаты*“ Содержаніе пьесы пустовато. Дѣйствіе происходитъ въ лагерѣ. Солдатъ Пролетъ влюбился въ крестьянскую дѣвушку Плѣниру, когда полкъ стоялъ за Угрой. Но вотъ полкъ перешелъ въ другое мѣсто и влюбленные разлучились. Пролетъ сошелся съ Сварлидой, которая поитъ и кормитъ его и его товарищей и кромѣ того даетъ подарки его командиру, чтобы Пролета произвели въ сержанты. Такъ какъ подарки не достигаютъ цѣли, то Сварлида забирается въ палатку офицера Замира и беретъ подаренную табакерку, а чтобы скрыть слѣды преступленія — она собирается зарыть въ землю табакерку и капоръ. Въ это время появляется Плѣнира, которая ищетъ всюду Пролета, и сознается, что она его любитъ. Сварлида говоритъ ей, что она ворожея и отдаетъ ей табакерку, которая приведетъ ее къ Пролету, а капоръ сдѣлаетъ ее еще красивѣе. Если же она сниметъ капоръ или скажетъ отъ кого она получила, то Пролетъ ее возненавидитъ. Сержантъ Бурминъ и Пролетъ, посланные найти воровку, находятъ Плѣниру съ табакеркой. Пролетъ хотя и узнаетъ ее, но, признавая ее за воровку, отказывается отъ нея. Солдаты приводятъ ее къ Замиру,

Деньщикъ офицера—Лазъ видѣлъ ту, которая заходила въ палатку, и не признаетъ Плѣниру за нее. Вслѣдъ за этимъ является сюда Сварлида за разрѣшеніемъ обвѣнчаться съ Пролетомъ. Самъ же Замиръ влюбляется въ Плѣниру. Плѣнира, видя, что табакерка и капоръ ей не помогаютъ, сознается во всемъ. Сварлида приноситъ покаянную и открываетъ, что Пролетъ—сынъ бѣднаго дворянина, а она была его нянькой. Бурминъ оказывается братомъ Плѣниры. Замиръ великодушно отказывается отъ Плѣниры и она выходитъ замужъ за Пролета.

Вся пьеса скомпанована плохо и дѣйствующія лица находятся въ сложныхъ отношеніяхъ. Характеристики лицъ нѣтъ, языкъ пьесы—книжный, напыщенный, въ духѣ ложноклассиковъ. Въ этой пьесѣ солдатъ поетъ въ честь своего начальника Замира:

Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно,
Наши зажегъ ты сердца,
Видимъ въ тебѣ мы отца.

Замиръ на это отвѣчаетъ:

Слезы у меня извлекаетъ ихъ усердіе!
Коль счастливъ начальникъ, любимый его подчиненными.

Пролетъ:

И такихъ-то начальниковъ во-вѣки прославлять должно!

Изображенія быта солдатъ въ пьесѣ нѣтъ.

Юкинъ И. написалъ комическую оперу въ 3 д. „Колдунъ, ворожея и сваха". Содержаніе слѣдующее: Купцы Суевѣровы собираются выдать дочь замужъ, но предварительно хотятъ погадать у колдуна и у ворожки, каковъ будетъ суженый ихъ дочери. Объ этомъ узнаютъ промотавшійся дворянинъ Тамиръ, ухаживающій за дочерью Суевѣровыхъ, и слуга его Козьма. Послѣдній является къ Суевѣровымъ подъ видомъ свахи, колдуна и ворожеи, и убѣждаетъ ихъ выдать дочь замужъ за Тамира. Во второмъ дѣйствіи изображается дѣвичникъ и помолвка съ русскими народными пѣснями и обрядами.

Пьеса по содержанію—пустая. Вставка народныхъ пѣсенъ—чисто механическая: такъ, сговоръ и дѣвичникъ пред-

ставлены вмѣстѣ. Пѣсни и величанія молодыхъ, отца невѣсты и дружки—также не отдѣлены. Если имѣть въ виду этотъ народный элементъ въ комическихъ операхъ и по нимъ характоризовать народность, то это будетъ не вполнѣ точно, такъ какъ этими вставными чисто механически пѣснями будетъ характеризоваться не наличность народнаго духа въ пьесахъ XVIII в., какъ это думаетъ А. М. Лобода, а будетъ характеризоваться возникшее стремленіе въ XVIII в. къ собиранію народныхъ произведеній, и точнѣе—будутъ характеризоваться существовавшіе уже тогда сборники народныхъ пѣсенъ—Чулкова, Новикова, Попова и др.

Есть еще комическія оперетты безъ обозначенія авторовъ: 1) „*Невѣста подъ фатою* или мѣщанская свадьба—безъ наблюденій театральныхъ и стихотворческихъ правилъ". Сюжетъ взятъ изъ купеческаго быта. Родители выдаютъ дочь и племянницу за нелюбимыхъ жениховъ: Анну—за Тараса, Ѳедосью—за Миропа. Но молодые (люди) перехитрили стариковъ и обмѣнялись невѣстами еще въ церкви, пользуясь обычаемъ, что невѣста являлась закрытою фатой. Богатонъ, отецъ Тараса, протестуетъ, такъ какъ за Анной обѣщано было десять тысячъ приданаго, а за Ѳеодосьей одна тысяча. Златонъ, отецъ Анны и дядя Ѳедосіи въ концѣ концовъ соглашается дать за Анной 20 тысячъ, а за Ѳедосьей 10 тысячъ. Этимъ дѣло улаживается.

Опера написана недурнымъ разговорнымъ языкомъ. Характернымъ является слѣдующій разговоръ: Прошлецовъ спрашиваетъ, видѣли-ль приданое? Тарасьевна отвѣчаетъ: точно, какъ у бояръ. Филатьевна у бояръ! да у бояръ—то, что ты найдешь? стрень-брень на три деньги, а тутъ все доброе. Тарасьевна замѣчаетъ, что за дочерою и племянницей Златонъ даетъ сорокъ тысячъ. Прошлецовъ: „Какіе безщотные дураки! Людей надѣляютъ, а сами плутами остаются и въ тюрьму просятся охотою". Послѣдняя черта мѣтко отмѣчена. Есть въ пьесѣ народный элементъ—въ видѣ встрѣчи свадебнаго поѣзда послѣ вѣнчанія Есть и народныя пѣсни. О нихъ должно замѣтить то-же, что сказано выше о пьесѣ: Колдунъ, ворожея и сваха". (См. Лобода, l. c. стр. 204).

2) *„Матросскія шутки“* ком. опера въ 2 д., [1]) сочиненіе любителя литературы. Матросъ—Проворъ, возвратившись въ деревню послѣ семи лѣтъ отлучки, хочетъ убѣдиться, любитъ ли его прежняя невѣста—Красана, съ каковою цѣлью и нежелая быть узнаннымъ, надѣваетъ маску. Убѣдившись въ ея неизмѣнной любви, Проворъ открываетъ свое инкогнито и женится на Красанѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ среди крестьянъ, но народнаго въ пьесѣ нѣтъ ничего. Пріята—подруга Красаны поетъ:

Помѣщикъ не давитъ
Работою насъ,
Оброки съ насъ правитъ
Не всякій онъ разъ.
Мы любимъ сердешно
Ево, какъ отца,
Плѣнилъ себѣ вѣчно
Онъ наши сердца.

Шумида (мать Красаны):

„Прикащикъ неровенъ съ нами. Да этому такъ и быть должно; для тово што мы-бы, какъ мухи пропали, ежелибъ господа наши черезъ нево насъ не миловали“.

Кромѣ тенденціи—довольства своимъ положеніемъ, взятой при томъ напрокатъ у Хераскова, нѣтъ ничего.

3) *„Хлоръ Царевичъ или Роза безъ шиповъ,* которая не колется“. Иносказательное зрѣлище въ 3 д. Сюжетъ заимствованъ изъ дидактической сказки Импер. Екатерины II—о царевичѣ Хлорѣ. Царевичъ Хлоръ, сынъ Татарскаго хана, долженъ отыскать розу безъ шиповъ (добродѣтель). Путь для отысканія, хотя прямой, но труденъ—со множествомъ соблазновъ. Несмотря на всѣ трудности и соблазны—царевичъ съ помощею сына Фелицы—разсудка, достигаетъ крутой горы, гдѣ растетъ роза безъ шиповъ, всходитъ на гору, поддерживаемый Правдой и Честностью и срываетъ искомую розу. Изъ частностей отмѣтимъ слѣдующія: Фелица обращается къ народу съ приказаніемъ—не пріучать къ лести Хлора; онъ слишкомъ много еще ея наслушается. Лесть та-

[1]) Россійскій Өеатръ, т. XXIV.

кая отрава, которая никогда царей и вельможъ не покидаетъ.

Хоръ поетъ:

Счастлива та страна,
Гдѣ мудрость на престолѣ;
У каждаго, гдѣ въ волѣ
Блаженство обрѣтать,
Себѣ за зло пенять,
Гдѣ прихотей не знаютъ,
Отцомъ гдѣ называютъ
Любимаго царя—
Отъ сердца говоря.

Дочь крестьянина поетъ:

Кромѣ полевой работы
Нѣтъ у насъ другой заботы,
Мы не плачемъ, не грустимъ,
Цѣлый вѣкъ такъ жить хотимъ.

Дочь, обращаясь къ матери:

Вѣдь мы не баре, чтобы сложа руки сидѣть.

Старикъ, обращаясь къ Царевичу:

Видалъ-ты пышность и богатство,
Но дружбу, простоту и братство
Едва-ль Царевичъ ты у насъ
Не въ первой-ли увидѣлъ разъ.

Въ концѣ хоръ поетъ:

Не ложно та страна блаженна,
Гдѣ роза оная безцѣнна—
Въ рукахъ у мудраго царя,
Кой для добра добро творя,
Свою тѣмъ душу утѣшаетъ,
Что всѣхъ счастливитъ, возвышаетъ.

И такъ пьеса, преслѣдуя цѣли дидактическія, имѣетъ къ тому-же цѣль—воспѣть добродѣтели мудраго царя. Въ пьесѣ есть смѣлые намеки. Такъ-Разсудокъ говоритъ Хлору, что если онъ пріобрѣтетъ розу безъ шиповъ, то осчастливитъ милліоны людей и не станетъ забавляться глупостями, унижающими людей—въ родѣ постройки для шутовъ домовъ „изъ необыкновеннаго вещества“, или слушанья по

ночамъ сказокъ и спанья днемъ. Здѣсь намеки на Импер. Анну Іоанновну и на ея ледяной домъ.

4) „Милозоръ и Прелеста", ком. опера въ 3 д. Помѣщикъ Добронравъ послѣ смерти жены уѣхалъ заграницу, а сына—Милозора оставилъ на руки племянницѣ, которая, повѣривъ слухамъ о смерти Добронрова и прельстившись наслѣдствомъ, вознамѣрилась извести ребенка. Крестьянинъ Чистосердъ, узнавъ объ этомъ, взялъ ребенка къ себѣ и воспиталъ его. Выросши, Милозоръ влюбился въ дочь Чистосерда—Прелесту, и хочетъ жениться, но отецъ Прелесты противится, опасаясь неравнаго брака. Въ имѣніи Добронрава между тѣмъ верховодитъ прикащикъ Толстопузъ, который хочетъ отдать Прелесту за нелюбимаго ею крестьянина. Прелеста убѣгаетъ въ лѣсъ, а Чистосерда прикащикъ заковываетъ въ кандалы. Возвратившійся изъ-за границы Добронравъ устраиваетъ все къ общему благополучію: признаетъ Милозора сыномъ, женитъ его на Прелестѣ, и дѣлаетъ Чистосерда своимъ другомъ, а прикащика наказываетъ.

Дѣйствіе происходитъ на полѣ въ имѣніи Добронрава. Народнаго въ пьесѣ нѣтъ ничего. Дѣйствующія лица объясняются напыщеннымъ, тяжелымъ языкомъ. И лишь два второстепенныхъ дѣйствующихъ лица—Карпъ и Елистратъ говорятъ обычнымъ русскимъ языкомъ. Комическаго въ оперѣ нѣтъ ничего. Это скорѣе мелодрама съ пѣніемъ. Для примѣра:

Прелеста поетъ:

Когда я тебя не вижу
Мнѣ утѣхи ни въ чемъ нѣтъ,
Всѣ веселья ненавижу,
Мраченъ яснаго дня свѣтъ.

Милозоръ поетъ:

Когда нѣтъ тебя со мною,
Ничего для меня нѣтъ,
Разстаюсь будто съ душею.
Часъ тотъ съ горестью минетъ.

Прелеста на предложеніе Милозора—отказаться отъ родителей, препятствующихъ счастію, отвѣчаетъ: Нѣтъ Милозоръ! я люблю тебя больше моей жизни; но оставь меня

упасть подъ бременемъ моего несчастія.... не уклонюсь я отъ добродѣтели.

Прелеста, упавъ на колѣни предъ Добронравомъ, говоритъ: „Милость ваша, Государь! которою вы, вм. гнѣва удостоили рабу вашу, убѣждаетъ меня просить васъ: удалите меня отъ глазъ вашего сына для того, что поколь буду я въ одномъ съ нимъ мѣстѣ, дотоль не исцѣлится грудь его. Не слабымъ я тѣмъ не довѣряю моимъ дарованіямъ, кои могли воспламенить его, но той свычкѣ, которая дала возрасти нашей склонности. Добродѣтель его велика; но любовь—опасное для нее преткновеніе" По основной схемѣ пьеса напоминаетъ французскія комедіи съ тенденціей объ уравненіи сословій.

Мы разсмотрѣли болѣе 30 пьесъ. Большая часть изъ нихъ—не оригинальны [1]). Основа у нихъ зиждется на любви съ препятствіями. Препятствіемъ служитъ или опекунъ, преслѣдующій при этомъ свои интересы; или родители—также изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ, или сословные предрасудки. Любовникомъ по большей части является дворянинъ, выросшій въ крестьянской семьѣ, или наоборотъ невѣста является пріемной дочерью у крестьянъ, а потомъ обнаруживается ея дворянское происхожденіе. Схема эта обычная, шаблонная и заимствована изъ французскихъ комедій XVIII в. Такъ какъ схема была дана готовой, то можно было-бы ожидать, что авторы обратятъ вниманіе на обработку и характеристику дѣйствующихъ лицъ. Но такой обработки и характеристики лицъ мы не замѣчаемъ за весьма немногими исключеніями. Дѣйствія въ пьесахъ обыкновенно нѣтъ, нѣтъ также сатирическаго элемента. Выдѣляются въ этомъ отношеніи ком. оперы: „Несчастье отъ кареты"—Княжнина и „Калифъ на часъ"—Горчакова. Съ комическимъ элементомъ являются слѣд. пьесы: „Анюта" Попова, „Новгородской богатырь" Импер. Екатерины II. Остальныя пьесы по своему сюжету и композиціи менѣе удовлетворительны.

Что касается мутной струи и цинизма, о которомъ говоритъ Проф. Незеленовъ, то мы должны прежде всего за-

---

[1]) Выдѣляется изъ всѣхъ пьесъ ком. опера „Матинскаго": С.-Петербургскій гостинный дворъ".

мѣтить, что онъ встрѣчается лишь въ слѣд. пьесахъ: „Свадьба Волдырева“, „Мнимые вдовцы“, Своя ноша не тянетъ“— Левшина, „Сбитенщикъ“ Княжнина, и „Бѣшенная семья“ Крылова. Профессоръ Незеленовъ видитъ этотъ цинизмъ во 1-хъ—во взглядѣ на женщину и въ частности на супружескія отношенія; въ 2-хъ—въ проповѣди безнравственной общественной морали и въ 3-хъ—въ смѣшеніи добра и зла и въ томъ, что злодѣи нерѣдко превращаются въ добродѣтельныхъ, и что плуты часто въ пьесахъ благоденствуютъ. Дѣйствительно въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ пьесахъ, разсказывается о томъ, что жены наставляютъ своимъ мужьямъ рога, и считаютъ долгомъ имѣть любовниковъ (См. „Мнимые вдовцы“, „Свадьба Волдырева, „Бѣшенная семья“ (Крылова). Цинизмъ въ женскомъ вопросѣ такъ широко и глубоко развитъ въ русскомъ обществѣ, что врядъ-ли справедливо при этомъ ссылаться на французское вліяніе. Мы замѣчаемъ также въ комическихъ оперетахъ циничное отношеніе къ общественной морали. Такъ въ пьесѣ Княжнина „Сбитеньщикъ“ слуга Степанъ поетъ о томъ, что честнымъ надо быть только въ половину, и что надо удить все, что плыветъ; въ другой пьесѣ „Своя ноша не тянетъ“—Левшина слуга Созонъ поетъ (стр. 45) о томъ, что отъ правды нѣтъ барыша, и что

Плутъ въ собольей ходитъ шубѣ,
А правдивой—босикомъ.

Проф. Незеленовъ не обратилъ вниманія, что авторы пьесъ высказываютъ этотъ цинизмъ главнымъ образомъ устами слугъ, которыхъ заподазривать въ французскомъ просвѣщеніи, конечно, никто не станетъ. Что касается смѣшенія въ пьесахъ добра и зла, и того, что плуты часто благоденствуютъ, то вѣдь объ этомъ свидѣтельствуетъ сама жизнь, и комическія оперетты въ этомъ случаѣ отражаютъ лишь русскую дѣйствительность. И такъ указанный цинизмъ въ комическихъ оперетахъ лишь въ далекой степени можетъ быть признанъ отраженіемъ западныхъ идей, и въ большинствѣ случаевъ онъ нашего доморощеннаго происхожденія. Перейдемъ теперь къ вопросу о народности. Проф. Лобода видитъ эту народность въ комическихъ оперетахъ во 1-хъ—въ изображеніи народнаго быта; во 2-хъ—въ народ-

номъ языкѣ; въ 3-хъ—пѣсняхъ и обрядахъ. Дѣйствительно мы видимъ изображеніе народнаго быта въ слѣд. пьесахъ: „Розана и Любимъ" Николева, „Матросскія шутки" неизвѣстнаго, „Хлоръ Царевичъ" или „Роза безъ шиповъ" также неизвѣстнаго. Въ нихъ изображается счастливое состояніе крестьянъ, любовь ихъ къ помѣщикамъ, и даже къ прикащикамъ, и это изображеніе относится къ XVIII в.! Впрочемъ самъ Проф. Лобода допускаетъ здѣсь идеализацію народнаго быта [1]). Далѣе народность въ языкѣ мы замѣчаемъ въ пьесахъ: „*Анюта*" Попова и „Милозоръ и Прелеста" — неизвѣстнаго; въ первой Филатъ съ Мирономъ а въ послѣдней Карпъ съ Елистратомъ говорятъ провинціальнымъ нарѣчіемъ. Относительно этого языка справедливо было замѣчено въ С.-Петербургскихъ Учен. Вѣдомостяхъ за 1777 г. № 8, что не всякое провинціальное нарѣчіе годится для оперъ, а лишь такое, какое понятно и доступно слуху зрителей. Такъ въ пьесѣ „Анюта" встрѣчаются такія слова: зобать, дячка, толды, колды, баска, щепетка, трынъ, злохоманка, чечениться и т. п. (См. Свѣтлова (ibid, стр. 21, кн. 3). Въ остальныхъ пьесахъ языкъ народный поддѣльный, искусственный. Народныя пѣсни, встрѣчающіяся въ оперетахъ, дѣлятся на два разряда: 1) поддѣльныя подъ народный стиль, и народныя пѣсни, взятыя изъ сборниковъ Чулкова и Новикова, и по большей части механически вставленныя въ опереты. Первыя, какъ искусственныя, конечно, въ счетъ не идутъ; вторыя-же говорятъ объ интересѣ авторовъ къ народной старинѣ, но ни какъ не о наличности знакомства авторовъ оперетъ съ народной жизнью въ XVIII в. То-же должно сказать и о народныхъ обрядахъ, встрѣчающихся въ оперетахъ: они заимствованы у Новикова Къ сдѣланнымъ мною поправкамъ къ выводамъ Проф. Незеленова и Лободы надо еще прибавить, что замѣченныя и рассмотрѣнныя нами явленія въ комическихъ оперетахъ встрѣчаются спорадически и обобщать ихъ, какъ это дѣлаютъ упомянутые профессора, по моему мнѣнію, не слѣдовало.

1911 г.

---

[1]) Лобода; ibid, 217.